

Ксения Качалина

19.1.95

Наверное, она могла бы стать моделью для Модильяни. Черты ее лица нежны, таинственны, исполнены потаенного напряжения. Она существует как бы отдельно от своих коллег-ровесников. По самой своей природе драматичная, живущая будто в ожидании грозы, бури, шторма — вероятно, это и привлекло внимание ее педагога, известного режиссера Валерия Рубинчика, который решил снимать студентку-первокурсницу Ксению Качалину в своем фильме «Нелюбовь». Престижная премия за лучшую женскую роль на фестивале «Кинотавр» сразу сделала имя Качалиной известным. Последовали новые работы, с той или иной степенью успеха. Среди них выделяется героиня картины «Над темной водой». Одна из последних ролей — в картине «Дикая любовь», где Качалина и ее героиня живут независимо от скудости драма-

— Возможно, так оно и есть. Я уверена, что многие мои ровесники искренне тоскуют именно по романтическим чувствам, только прячутся за цинизм. Цинизм помогает выжить.

— А ты сама испытывала нечто подобное тому, что переживала твоя Маша в «Дикой любви»?

— Переживала и, думаю, буду еще не раз переживать. Только ни в кого не стреляя.

— Тебя не пугает чувство на грани безумия?

— Это прекрасное безумие.

— И ты полагаешь, такое может повториться? Не раз и не два?

— Да, ежели человек вообще на это способен. Конечно, у каждого из нас своя судьба и своя любовь. Можно сжечь себя за один только раз. Но я за такое чувство, за то, чтобы жить на полном дыхании и ни в чем себе не врать. Себе и другим.

— Как Ксения Качалина относится непосредственно к такому типу людей, каким представлен в фильме Максим? К холодным, разумным пра-

ным интересом заниматься разными делами.

— А несколько лет назад ты сказала мне, что не мыслишь себя вне актерской профессии? Что-то изменилось?

— Каждый актер, если он действительно актер, — художник по сути своей. И потому способен проявить себя и в других сферах искусства. Главное для меня, чтобы было интересно, чтобы меня всю забрало то, что я делаю. До конца.

— Тебе никогда не приходит в голову мысль о сцене? Ты ведь начинала с актерского факультета Саратовской консерватории, где готовят театральных артистов.

— Пока я еще не очень хорошо представляю себе, что такое театр. Настоящий театр. Конечно, это нечто совершенно другое, чем кино. Мне было бы сложно на сцене, надо много раз играть один и тот же текст. В кино я могу отдаться чувству до конца.

— На помощь театральному актеру приходит техника.

— Мне техника скучна: наверное, приобретая технику, ты что-то все же теряешь.

— А в кино каждый дубль ты проживаешь заново?

— Да, и это мне безумно дорого.

— Не боишься нестабильности?

— Нет. Стабильность — рутина, абсолютная рутина. Проблема нестабильности, скорее, волнует мою маму.

— Кажется, она не очень радовалась, когда ты решила стать актрисой?

— Она и сейчас думает примерно так же, ее по-прежнему смущает отсутствие определенности в моем будущем. Это нормально для родителей.

— Ты нравишься маме на экране?

— Когда как.

— А в «Дикой любви»?

— Она еще не видела фильм. Наверное, будет переживать, глядя на экран. Картина волнует зрителей, некоторые смотрят по два раза. Спорят. Я тогда и поняла, как по-разному люди воспринимают такие истории. Осо-

Ксения КАЧАЛИНА

«ЗАВТРА БУДЕТ ЗАВТРА»

тургии и абсолютной беспомощности режиссера.

Качалина играет в «Дикой любви» детдомовку Машу; полюбившую красивого, способного и вполне практичного, как позже выяснится, своего сверстника Максима, мальчика из благополучной семьи. Полюбила Маша его смертельно — иного определения не сыскать тому чувству, которым она живет. Все завершается выстрелом Маши в любимого, предавшего и ее, и себя ради богатой, удачливой судьбы в богатой, удачливой Америке с хорошенькой женушкой, к тому же дочкой миллионера. Все банально. Кроме страсти Маши. Ее эмоции звучны, открыты, она вся во власти их, во власти такой «ненынешней» любви, где ставка — ее и Максима жизни.

— В какой мере тебе самой присущи столь сильные, невероятные чувства?

— Просто во мне постоянна готовность играть любовь. Жаль, что не всегда мне позволяют именно так жить в роли. Сейчас у нас считается хорошим тоном сдержанность, лирическая тишина.

— Да и вообще в наше время вроде бы ушли подобные страсти. Тебя такая мысль никогда не смущала?

— Нисколько. Яркие эмоции — это прекрасно.

— Сегодня мы чаще всего видим на экране «нелюбовь», иногда желание любить при отсутствии достойного предмета любви. Ты же все опрокидываешь, являешься едва ли не шекспировской героиней, только выросшей в некоем киевском детском доме.

— Я думаю, настоящая любовь одинакова во все времена, в век Шекспира и нынче. Если она «сильна, как смерть».

— Не значит ли это, что твое поколение двадцатилетних возвращается к романтике, отвергнутой предшественниками?

матикам?

— Отрицательно. Но убеждена: какая-то часть людей оправдывает Максима и ему подобных. Я с этим в жизни сталкивалась, слушая мнения разных зрителей на обсуждении нашего фильма. Кто-то защищает Машу, кто-то — Максима. Мне интересно слушать и тех, и других. Если чуть-чуть отстраниться, я понимаю, что какие-то поступки Маши тоже под вопросом.

— Ты способна судить свою героиню?

— Не судить, а попытаться взглянуть на нее с точки зрения тех, кто ее не принимает, что тоже важно.

— Почти параллельно со съемками в «Дикой любви» ты играла Машу в картине твоего второго педагога, Сергея Александровича Соловьева, в «Трех сестрах». Не трудно ли было сниматься в таких непохожих ролях?

— Почему же непохожих? У Маши Прозоровой в «Трех сестрах» та же сумасшедшая любовь к Вершинину. По крайней мере, для меня. Разумеется, у Чехова чувства скрытны, застенчивы, но в них все та же одновременно созидательная и разрушительная сила.

— Возможно ли постоянно существовать в такой температуре? Нередко в результате остается опустошение.

— Зато был пик судьбы! Было счастье! Дай Бог всем людям такие пики, как у Маши из детского дома и у Марии Сергеевны Прозоровой. Мне важно еще то, что обе любят совершенно бескорыстно и самопожертвенно. В жизни это часто не приносит счастья, о котором мечтает человек, особенно женщина. Но обогащает духовно и оставляет прекрасный след.

— В этом году ты заканчиваешь институт. Не страшно ли выходить на новый путь? У актрис кино сложная судьба. Вроде невест на выданье — возьмут сниматься, не возьмут?

— Мне не страшно. Я довольно разносторонний человек, могу с рав-

бенно матери. Как-то я услышала, что этот фильм надо было назвать «Дикая жизнь», потому что у нас сейчас действительно дикая, безумная жизнь.

— А если бы тебе, как Максиму, предложили престижную, высокооплачиваемую работу за рубежом, надолго или навсегда? Как бы ты повела себя?

— Согласилась бы только на небольшой срок. Мне в России жить интереснее, чем там, вдали. У них, конечно, спокойно, сытно, благополучно, но такая жизнь не для меня. Мы в России мучимся, что говорить! Но мы умеем радоваться так, как там не умеют радоваться, правда?

— Правда. Скажи, хотя ты противница определенности и конкретности, какой твой новый фильм? Ты ведь снимаешься?

— Да, он называется «Под знаком Скорпиона», снимает режиссер Абай Карпыков.

— Как и ты, он — ученик Сергея Соловьева. Это существенно для тебя?

— Да. И мне нравится сценарий, сочетание мелодрамы и боевика.

— Словом, для тебя пока все складывается довольно удачно: большие роли, премия на «Кинотавре», премия на фестивале в Сицилии за главную женскую роль в фильме «Над темной водой».

— У премий и наград есть своя обратная сторона: режиссеры начинают заталкивать актера в знакомые рамки, используя его предыдущий успех.

— Кино вообще весьма жестокое искусство.

— С жестоким искусством и обращаться надо жестоко.

— Это нелегко. Сумеешь ли?

— Наверное. Я же становлюсь старше.

Беседу вела

Эльга ЛЫНДИНА.

Фото Александра Тягун-Рядно.